

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Давыдов Д.А. Посткапитализм как архаизация: институциональный дрейф к неофеодализму? DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_61 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 61–78.

УДК 32

DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_61

Посткапитализм как архаизация: институциональный дрейф к неофеодализму?

Дмитрий Александрович Давыдов

Институт философии и права УрО РАН,

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

*Поступила в редакцию 06.10.2021, поступила после рецензирования 18.11.2021,
принята к публикации 20.12.2021*

В статье посткапитализм рассматривается не как перспектива прогрессивного движения к светлому будущему, а как архаизация – установление общественных отношений, напоминающих докапиталистические. Анализируются концепции, авторы которых указывают на соответствующие тенденции: парцелляция суверенитета, сращивание экономической и политической власти, перекрытие путей восходящей мобильности, сословный и кастовый характер социальной стратификации и многое другое. В статье обосновывается, что причины данных тенденций стоит искать не только в неолиберализме. Автор выдвигает тезис, согласно которому некоторые феномены, ассоциируемые с модернистским прогрессом (увеличение доли среднего класса в обществе, ускорение социальной мобильности и т.п.), были историческим

© Давыдов Д.А., 2021

исключением, связанным с тем, что благодаря индустриальной революции широкие массы трудящихся приобрели весомое «переговорное» преимущество в виде хорошо продаваемой рабочей силы, задействованной в материальном производстве. Это преимущество исчезает по мере автоматизации производства и роста креативной экономики. Творческую «рабочую силу» продать гораздо сложнее ввиду непредсказуемости самого творческого процесса. Экономические элиты, в свою очередь, редко напрямую инвестируют в «человеческий капитал», предпочитая искать таланты и «присваивать» их, а не развивать в массовых масштабах. Это и приводит к соответствующим трансформациям социальной структуры. Вместе с тем в статье утверждается, что для корректной оценки сложившейся ситуации вряд ли подойдут термины, отсылающие к прошлому (*неофеодализм* и т.п.). Мы находимся в другой ситуации, когда всевластию «неофеодалов» вполне можно противопоставить перспективу, в которой всеобщее и целенаправленное ускорение научно-технического прогресса сопровождается растущим спросом на максимизацию реализации талантов каждого.

Ключевые слова: посткапитализм, неофеодализм, коммунизм, когнитивный капитализм, креативная экономика, коммунизм знаний, рента, рентное общество, постдемократия

Post-Capitalism as Archaization: Institutional Drift Towards Neo-Feudalism?

Dmitry A. Davydov

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Received 06.10.2021, revised 18.11.2021, accepted 20.12.2021

Abstract. In the article, post-capitalism is viewed not as a prospect of a progressive movement towards a brighter future, but as archaization – the establishment of social relations reminiscent of pre-capitalist ones. Concepts are considered, the authors of which point to the corresponding tendencies: parcelling of sovereignty, merging of economic and political power, blocking the paths of upward mobility, class and caste character of social stratification, and much more. The article substantiates that the reasons for these trends should be sought not only in neoliberalism. The author puts forward the thesis that some of the phenomena associated with modernist progress (increasing the share of the middle class in society, accelerating social mobility, etc.) were a historical exception because, thanks to the industrial revolution, the broad masses of workers acquired a significant “negotiation” advantage in the form of a well-sold labour force involved in material production. This advantage disappears as production becomes more automated and the creative economy grows. Creative “labour” is much more difficult to sell due to the unpredictability of the creative process itself. Economic elites, in turn, rarely invest directly in “human capital”, preferring to look for talents and “appropriate” them, rather than develop them on a massive scale. This leads to the corresponding transformations of the social structure. Nevertheless, the article argues that the terms referring to the past (neo-feudalism, etc.) are unlikely to be suitable for a correct assessment of the current situation. We are in a different situation when the omnipotence of the “neo-feudal” can quite be countered by a perspective in which the universal and purposeful acceleration of

scientific and technological progress is accompanied by a growing demand for maximizing the realization of everyone's talents.

Keywords: post-capitalism; neo-feudalism; communism; cognitive capitalism; creative economy; knowledge communism; rent; rental society; post-democracy

For citation: Davydov D.A. Post-Capitalism as Archaization: Institutional Drift Towards Neo-Feudalism?, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 61-78. (in Russ.) DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_61.

Введение. Долгие годы идея посткапиталистического общества была, как правило, связана с уверенным взглядом в будущее, с верой в прогресс, в бесконечные возможности человечества, а стало быть – с убежденностью, что уже скоро наступит время, когда человек из средства превратится в цель. Несмотря на крах СССР, сегодня вновь становится актуальным дискурс о посткапитализме, о новой технологической реальности и складывающихся общественных отношениях, свидетельствующих о том, что капитализм постепенно перерождается в нечто принципиально новое (Мейсон 2016; Срничек, Уильямс 2019). Но, хотя многие дискурсы о посткапитализме проникнуты оптимизмом, вдохновлены мощью процессов автоматизации и роботизации, ростом экономики знаний (Горц 2010) или, к примеру, набирающими популярность новыми «левыми» идеями вроде безусловного дохода (Ван Парайс, Вандерборхт 2020), в последние годы появилось значительное число работ, авторов которых вряд ли можно назвать с уверенностью смотрящими в будущее. Не все эти авторы пишут непосредственно именно о посткапитализме, но в совокупности их наблюдения позволяют сделать предварительное заключение: мы движемся вовсе не к светлому будущему равенства и братства, а скорее деградируем, возвращаемся к архаике. Иными словами, слово «посткапитализм» в данном контексте означает не столько открытие новых горизонтов, сколько возврат к ряду принципов организации общества, которые соответствуют докапиталистическим способам производства. Почему так происходит? Каковы фундаментальные причины этого? Есть ли какие-то альтернативы кажущейся неизбежной архаизации?

Назад к «темному» прошлому? Капиталистическая система – это не только то, что ассоциируется с рыночной экономикой, борьбой за прибавочную стоимость, эксплуатацией и неравенством. Это также часть большого проекта Модерна, включающего в себя отход от ограничений традиционного общества: рациональность, веру в технологический прогресс, эмансипацию, мобильность, массовую демократию и т.п. Капитализм никогда не был «чистым злом», но повсеместно способствовал гуманизации общественных отношений, большей открытости и честности (Фукуяма 2008: 340-381). Да, у капитализма имелись и имеются свои собственные внутренние болезни, но динамика его становления и развития породила у многих исследователей представление о движении к лучшему: капитализм был сначала «диким», а потом постепенно был «приручен», так как на смену эпохе «сверхэксплуатации» пришло время государства всеобщего благосостояния. Резонно было

бы представить, что рано или поздно и сам капитализм исчерпает свой потенциал, выполнит свою миссию и передаст эстафету более прогрессивной экономической системе, основанной на стремлении к равенству и коллективной целесообразности.

Но за «неолиберальным поворотом» начались проблемы: после энергетического кризиса 1970-х экономический рост был восстановлен, но постепенно в развитых странах он все более и более замедлялся; средние зарплаты (в реальном выражении) перестали расти для большинства населения; средний класс оказался в упадке и стремительно уменьшался в размерах; технооптимизм начал вытесняться технопессимизмом и апокалипсическим фатализмом. Все, за что больше всего ценили капитализм (динамика, «творческое разрушение», обеспечение экономического благосостояния для более широких слоев населения), постепенно исчезало. И сегодня речь идет о том, что, по всей видимости, исчезает и сам капитализм как система, основанная на конкурентных рынках. Соответственно множатся концепции, авторы которых считают, что общество деградирует и возвращается к феодализму.

Конечно, кризисы капитализма, его переходы со стадии на стадию всегда порождали отнюдь не только революционно-оптимистические теории (еще Джек Лондон писал о «железной пяте», Роза Люксембург – про «социализм или варварство» и т.п.). Но сегодня, кажется, все «заходит слишком далеко». Здесь можно отметить недавние работы Дж. Дин (Дин 2019) и Дж. Коткина (Kotkin 2020), которые с разных теоретических позиций отмечают очень похожие явления, обозначая их термином «неофеодализм»: растет экономическое неравенство, пути восходящей мобильности оказываются практически полностью перекрытыми для «низов», а реальная власть сосредотачивается в руках олигархов (прежде всего – владельцев технологических монополий (Big Tech или Tech Giants) вроде Facebook и Google) как новых «сеньоров».

Дж. Коткин акцентирует внимание на тех, кого он называет *клериси*. Это своеобразная новая духовная аристократия (по аналогии со средневековыми *клириками*), состоящая из части рабочей силы, занятой в основном вне сферы материального производства (учителя, консультанты, юристы, государственные служащие и поставщики медицинских услуг). Этос клериси кладется в основу новой *ортодоксии* из смеси политики идентичности, постматериалистических ценностей, приверженности глобализации, стремления к сокращению промышленных выбросов и т.п. Эта ортодоксия постепенно становится доминирующей, ее приверженцы вытесняют «консерваторов» из университетов и сферы журналистики и вступают в альянс с представителями Big Tech. Без этой ортодоксии нельзя сложить целостной антиутопической картины: с одной стороны, олигархи и находящаяся у них в услужении новая «духовная аристократия», а с другой – все остальные, чье благополучие в эпоху автоматизации и роботизации производства ставится под сомнение. Последним предлагается нечто вроде новой религии отречения от материального изобилия в пользу экологического благополучия или *нулевого роста*, а потому – выбывание из буржуазной гонки за доступ к ста-

тусному потреблению. И, разумеется, каждому в неофеодальном будущем предложат нечто вроде милостыни: безусловного дохода, который будет не столько орудием «освобождения от труда», сколько способом избавления от новых «бродяг» («низового» прекариата), их «усмирения» небольшими, не слишком обременительными для элит «подаваниями» (Kotkin 2020: 67-76).

И если Дж. Коткин ностальгирует по славным временам капитализма, когда «прилив поднимал все лодки», Дж. Дин не видит иной альтернативы неофеодализму, кроме движения к коммунизму: слишком многое изменилось, а бывшее – не вернуть. Более того, следуя логике интерсекционализма, Дин не видит особой проблемы в сословии клериси. Для нее главную опасность представляют именно Tech Giants в эпоху *коммуникативного капитализма*. Она выделяет четыре основных признака складывающегося неофеодализма: 1) парцелляция суверенитета; 2) иерархия и экспроприация с участием новых сеньоров и крестьян; 3) заброшенная глубинка и привилегированные города; 4) чувство незащищенности и катастрофизм. Общая картина такова: сегодня происходит беспрецедентное слияние политической и экономической власти, миллиардеры всячески избегают налогообложения (то есть избегают законов национальных государств), рыночная стоимость IT-гигантов превышает объем экономики многих стран мира, они пользуются налоговыми льготами (сбор «дани»), чтобы извлекать огромные «излишки» с населения, а также бесплатным «коммуникативным» трудом, генерирующим данные и метаданные; беспрецедентными темпами растет неравенство, в то время как владельцы технологических платформ «захватывают» коммуникативные пространства, становясь монополистами; наблюдается раскол между крупными городами и глубинкой, где царят разруха и запустение, а в результате джентрификации земля «огораживается» и массы людей оказываются «бродягами» без какой-либо недвижимости; наконец, все это усиливает стресс, ведет к депрессии, к «психотическому саморазрушению общества», а как следствие – к ощущению приближающегося апокалипсиса, к оккультизму, техноязычеству и антимодернизму. «Я начала с того, что сегодня нам нужно думать уже не о капитализме, а о чем-то худшем – неофеодализме, – резюмирует Дж. Дин. – Это не значит, что капиталистических отношений производства и эксплуатации больше не существует. Это означает, что другие аспекты капиталистического производства – экспроприация, господство и сила – стали настолько существенными, что любые разговоры о фикции свободных и равных игроков, встречающихся на рынке труда, сегодня утратили всякий смысл» (Дин 2019: 112).

Дж. Коткин и Дж. Дин не единственные, кто сегодня пишет о неофеодализме. «Феодализм, – отмечает М. Пасквинелли, – не принадлежит прошлому. На самом деле он предельно современен, это будущее с налетом стимпанка – поистине неофеодальное будущее! Неофеодализм – это ситуация тотальной поляризации, когда вся коммуникационная инфраструктура (аппаратный уровень, протокольный уровень, уровень метаданных и социальных сетей) находится в собственности кучки цифровых лендлордов, множество когнитивных работников принуждается к “креативному” труду, а между двумя полюсами – кризис, исчезновение среднего класса цифровой

эпохи» (Пасквинелли 2012). Слово «неофеодализм» (или «родственные» концепты вроде рентно-сословного общества и соответствующей классовой структуры (Кордонский и др. 2012; Мартьянов, Фишман 2016; Мартьянов 2017 и др.) сегодня часто на слуху и в отечественной социальной науке (Корнилов М., Корнилов А. 2021), а также в публицистике (см. довольно сомнительные с научной точки зрения концепты, сильно кренящиеся в сторону теории заговора (Катасонов 2020; Лежава 2021)).

Но все же стоит отметить, что «неофеодализм» – это скорее метафора, к которой обращаются с целью подчеркнуть деградацию капитализма, установление общественных отношений, напоминающих докапиталистические. Как научный концепт он не очень удачен, так как его авторы подчеркивают явления, свойственные более широкой докапиталистической эпохе, нежели феодализму как довольно короткому периоду в истории ряда западных стран (Уикхем 2020). Точнее суть данной «деградации» можно выразить с помощью понятия *ренты*.

Рента – это доходы, обусловленные не трудом и инвестициями в условиях свободных рынков, а теми или иными нерыночными преимуществами (принуждением, давлением на государственных субъектов и т.п.). Долгие годы концепт ренты был непопулярным в экономических и политэкономических исследованиях, так как господствовала неоклассическая экономическая ортодоксия о свободных рынках и поведении homo economicus. Рента считалась понятием маргинальным, отражающим нечто отжившее, неправильное, то, чего в здоровом, «открытом» и т.п. обществе быть не должно. Но сегодня, по всей видимости, рента становится ключевым понятием при обсуждении проблем современного общества (Фишман и др. 2019). Концентрация экономического богатства сопровождается всем разнообразием практик извлечения политически обусловленных рент (от лоббирования до ухода от налогообложения). Колониализм никуда не исчез, и богатые страны продолжают извлекать ресурсную ренту из тех стран, которые находятся в соответствующих «ловушках» («ресурсное проклятие»). В то же самое время глобальные корпорации соревнуются в борьбе за интеллектуальную ренту (патенты, удлинение срока их действия и т.п.).

Сегодня появляется все больше трудов, авторы которых акцентируют внимание на ренте. Так, П. Михайи и И. Селеньи показывают, что в условиях сильного неравенства на вершине социальной иерархии создается новая «аристократия» или «сословие» (вновь «средневековая» терминология). Как они утверждают, разделительная линия проходит под «лучшими» (Mihályi, Szelényi 2019). Дж. Стиглиц в одной из своих последних книг замечает, что сегодня в США имеет место сильная концентрация рыночной власти по сравнению с прошлым (например, в 2016 г. 28 фирм, входящих в индекс S&P 500, получили 50% всех корпоративных прибылей (Стиглиц 2020: 88)). Причина этого процесса – «вытеснение» труда и инвестиций рентными практиками. Конкуренция снижается, а почти все богатства присваиваются суперкорпорациями. «Инновационные» фирмы стремятся всячески ограничить конкуренцию, злоупотребляя патентной системой. «Рыночная власть, – пишет Стиглиц, – трансформируется во власть политическую.

Огромные прибыли, обеспечиваемые рыночной властью, позволяют компаниям – в условиях нашей ориентированной на деньги политики – покупать влияние, которое еще больше увеличивает их власть и прибыли, например в результате ослабления профсоюзов, принудительного ограничения конкуренции, предоставления банкам свободы эксплуатации простых граждан и структурирования глобализации так, что она еще больше ослабляет переговорную силу работников» (Стиглиц 2020: 82). Б. Кристоферс на очень богатом эмпирическом материале показывает, что в Великобритании, несмотря на имидж «мастерской мира», почти на протяжении всей истории в структуре доходов доминировала рента: до конца XIX в. подавляющее большинство миллионеров были землевладельцами, а вскоре к ним присоединилась группа финансовых магнатов (которые получали прибыль от финансовых активов, а не от производства и человеческого труда). Лишь в первой половине XX в. в Великобритании рентные практики на время были отодвинуты на второй план. Но с конца 1970-х наблюдается обратная тенденция: «возвращение» ренты во всех ее проявлениях. Кристоферс приводит статистические данные, последовательно обосновывая, что доля ренты расширяется в разных областях экономики: финансовая рента, рента от добычи природных ресурсов, рента от интеллектуальной собственности, рента, обусловленная практиками аутсорсинга, рента от «монополии» на предоставление основных услуг (от энергоснабжения и водоснабжения до связи и транспорта), земельная рента (Christophers 2020).

На вышеупомянутое наслаиваются другие немаловажные процессы. Так, в последние годы появилось очень много работ (Sandel 2020; Markovits 2019; Littler 2017; Frank 2016 и др.), посвященных феномену меритократии. Однако, меритократия, ставшая чем-то вроде идеологии технократических элит, сегодня – это не власть «лучших», какими бы методами их ни выявляли. Как подмечает Д. Марковиц, прослойка меритократов (топ-менеджеры, высокооплачиваемые профессионалы, элита инженеров, ученых и креативщиков, финансисты и т.п.) – это уже *каста*, представители которой передают свой статус по наследству путем беспрецедентных инвестиций в образование детей. Разница между качеством образования, к которому имеют доступ беднейшие и какое могут позволить себе богатейшие, становится колоссальной и указывает на *невозможность* восходящей мобильности там, где требуется соответствующее образование и навыки. Поэтому Марковиц постоянно использует терминологию, отсылающую к архаике: «механизм концентрации и династической передачи богатства и привилегий из поколения в поколение», «кастовый порядок», «новая аристократия» и т.п. (Markovits 2019). Если к этому добавить дискурс о постдемократии (Crouch 2020) и цифровом тоталитаризме (или «надзорном капитализме») (Zuboff 2019), то общая картина, действительно, складывается весьма специфическая: если это и не возврат к классическому феодализму, то как минимум речь должна идти об упадке многого из того, что ранее ассоциировали с прогрессивным движением к лучшему будущему.

Но каковы глубинные причины такой «деградации»? Очевидно, что мы имеем дело с целым набором факторов. Здесь и неолиберализм, ко-

торый развязал руки олигархам и владельцам глобальных корпораций; и тенденция к ускорению автоматизации производства, приведшая к «размыванию» среднего класса; и многие другие феномены вроде «сетевых эффектов», способствующих монополизации. Однако, на наш взгляд, все эти явления плохо (или не полностью) объясняют кажущееся неотвратимым движение к архаике. Дело не только и не столько в неолиберализме или, скажем, в автоматизации, сколько в специфике того, что сегодня называют *экономикой знаний*, а шире (и точнее) – *креативной экономикой*. Казалось бы, выдвигание креативной экономики и творческих компетенций на первый план должно свидетельствовать о растущей потребности во «всестороннем развитии личности», а потому – к дальнейшему прогрессивному развитию. Но все несколько сложнее.

Случайность, ставшая привычкой. Начать стоит с констатации факта: многое из того, что мы ассоциируем с прогрессом (увеличение доли среднего класса в обществе, ускорение социальной мобильности и т.п.), – это достижения относительно новые. По историческим меркам еще совсем недавно считалось, что человечество обречено всегда находиться в мальтузианской ловушке: рост численности населения за редкими исключениями обгоняет рост производства продуктов питания, ограниченный плодородием почвы. Каждый новый «среднестатистический» человек – это как потенциальный трудяга, так и дополнительный рот, а то и бродяга, который способен найти себе место лишь в рядах разбойников. Можно даже сказать, что в доиндустриальную эпоху человек играл *второстепенную* роль в экономике: всю основную «работу» проделывала природа, а человеку отводилось место «регулирущика» природных процессов (Давыдов 2020). Соответственно этому и производительность зависела по большому счету не от труда как такового, а от качества земли (ее плодородия и залегающих в ней ресурсов). При низком уровне и слабой динамике технологического развития вкладываться в развитие человека (его «человеческий капитал») было невыгодно, так как в любом случае рост производительности упирался в довольно жесткие естественные пределы (например, плодородия почв). Более того, люди, населявшие землю, не были непосредственным условием господства класса эксплуататоров, ибо оно базировалось не столько на хозяйственной деятельности (экономическая мощь), сколько на силе и принуждении (военная мощь). Труд людей был своего рода «излишком», который присваивался и в лучшем случае благоразумно применялся для внутреннего усиления, но война оставалась главным средством обогащения и доминирования. В такой обстановке ни о какой широкой демократии и динамичном развитии на благо всех не могло быть и речи.

Можно было бы подумать, что промышленная революция резко привнесла существенные изменения (особенно учитывая философский и культурный бэкграунд Просвещения, либерализма и т.п.). Но поначалу все происходило с точностью до наоборот. Первые промышленные предприятия стали самой настоящей катастрофой для людей труда: первые машины вытесняли массы простых ремесленников, позволив заменить их требующий

некоторых умений и навыков труд низкооплачиваемым трудом детей. Промышленная система буквально уничтожала рабочих, чье положение из года в год ухудшалось (в первой половине XIX в. они жили значительно хуже, чем средневековые крестьяне). Человек становился частью «биомассы», которую нещадно эксплуатировали, что в 1845 г. отметил в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс.

Но по иронии судьбы именно тогда, когда Энгельс излагал свои наблюдения, многое начало принципиальным образом меняться: вместо простых в освоении машин на фабриках устанавливаются все более сложные, требующие некоторой слаженности действий и базовых компетенций. Кроме того, в условиях быстрого экономического роста наблюдалось уже не «перепроизводство» рабочей силы, а зачастую ее острая нехватка. Именно в этот переломный момент труд впервые в истории стал главным источником экономических благ. Производительность экономики оказалась в прямой зависимости от «качества» рабочей силы, среднего уровня образования, уровня развития культуры и т.д. К.Б. Фрей отмечает: «...человеческий капитал стал решающим только в конце девятнадцатого века, когда технический прогресс повысил спрос на навыки. <...> В период 1750–1830 годов уровень грамотности в Великобритании оставался в основном неизменным, но после этого он начал быстро расти. Средняя продолжительность учебы мужчин-работников также не увеличивалась до 1830-х годов, но к началу двадцатого века она увеличилась втрое. Между тем коэффициент инвестиций в Великобритании почти удвоился с 1760 по 1831 год, а затем оставался примерно на том же уровне до начала Первой мировой войны. Таким образом можно сказать, что до 1830-х годов технический прогресс способствовал увеличению спроса на физический капитал при замене рабочих и лишении их навыков. Однако впоследствии это привело к относительному увеличению спроса на человеческий капитал»¹ (Frey 2019: 135).

Что происходит, когда человеческий труд становится важнейшим фактором производства? Полезность труда четко просчитывается (является наглядной), и рабочие начинают занимать важнейшие звенья в цепочках экономических отношений, а потому осознают свою коллективную, классовую мощь (например, могут шантажировать капиталиста остановкой производства). Такие факторы, как *рост переговорной силы трудящихся*, классовая борьба, общая заинтересованность в подъеме среднего образовательного и культурного уровня, в итоге вылились во многие достижения демократии. Темпы роста доли оплаты труда в структуре ВВП долгое время опережали рост доли капитала. Расширялся *средний класс*, создававший иллюзию преодоления классовых антагонизмов.

Но к моменту «поворота к неолиберализму» что-то сломалось, и все повернулось вспять: «...в последние несколько десятилетий во всем мире часть пирога, достающаяся работникам (то, что экономисты называют “долей рабочей силы”), начала сокращаться, а часть владельцев традиционного капитала (“доля капитала”) стала расти. В развитых странах эта тенденция

¹ Здесь и далее перевод с английского наш. – Д.Д.

наблюдается с 1980-х годов, а в развивающихся – с 1990-х» (Сасскинд 2021: 199). И основную причину этой тенденции стоит искать не в неолиберализме как таковом, который стал одним из возможных ответов на более глубокие изменения – глобализацию и ускоряющиеся темпы технологического развития. Процессы информатизации, роботизации, автоматизации, развитие технологий искусственного интеллекта и т.п. ведут к тому, что экономическая роль «среднего» человека вновь оказывается второстепенной. Автоматизация производства способствует сильной поляризации рабочей силы (Сасскинд 2021). Люди, долгое время составлявшие «средний класс», теперь легко заменяются программным обеспечением и роботами (особенно это касается профессий, требующих сравнительно высокой квалификации, но при этом рутинного труда), в то время как спрос на низкоквалифицированный ручной труд, который не так легко автоматизировать, растет (гиг-экономика). В то же самое время происходит настоящая гонка за сверхквалификацией.

Нетрудно догадаться, к чему все это ведет. Гиг-экономике не нужны в массовом порядке образованные люди, которые чувствуют себя полноценными гражданами. Реально востребованное рынком высшее образование дорожает по мере технологического усложнения производства и ускорения научно-технического прогресса. В результате, с одной стороны, из числа не прошедших отбор формируется страта прекариев и «лишних людей», а с другой – появляется страта элит, концентрирующих в своих руках беспрецедентную долю богатств. Именно отсюда многие аллюзии на Средневековье и феодализм: «лишние люди» как новые бродяги; прекарии или занятые в гиг-экономике как представители эксплуатируемого сословия (или даже касты), лишенные каких-либо возможностей восхождения по социальной лестнице; олигархи вкупе с технократическими элитами, конвертирующие экономическую власть на глобальном уровне во власть политическую.

Однако, на наш взгляд, и автоматизация отнюдь не главная причина «архаизации» общественных отношений. В конце концов, если бы проблема была только в необходимых навыках, то все бы стремились инвестировать именно в них, то есть как раз в образование, в человека как значимого субъекта высокотехнологичной экономики. Это, разумеется, происходит, но не в достаточной степени и только в «избранных» местах (например, очевидно плачевное общее состояние среднего образования в США при высочайшем уровне образования в топовых университетах Лиги плюща). Более существенная проблема заключается в том, что основным фактором роста производительности и в целом экономического успеха постепенно становится *творчество*.

Креативная экономика: от ожиданий к реальности. О том, что современная экономика является информационной, постиндустриальной (хотя, понятное дело, лишь отчасти), инновационной, а капитализм «когнитивным», написано и так очень много. Очевидно, что экономическая значимость инноваций и знаний быстро растет (см., напр.: Ahlstrom 2010). В основе инновационной экономики и творческих индустрий лежит, соот-

ветственно, *творчество* как особая форма деятельности, нацеленная на создание нематериальных ценностей (идей, концептов и т.п.), которые при этом невозможно адекватно количественно измерить, что является проблемой для «капиталистической логики». Эти свойства «экономики инноваций и знаний» вдохновляют многих исследователей на смелые прогнозы о том, что рано или поздно данная экономика перерастет в «коммунизм знаний» (Горц 2010) благодаря «прогрессу культуры как сферы со-творчества (Бузгалин 2021). Действительно, многое указывает на возможность такой перспективы. Так, знания полностью противоположны по своим свойствам «материальным» рыночным товарам: их можно легко обобществлять (открывать широкий доступ для каждого на планете, устраняя препятствия вроде копирайта), а в результате «потребления» их ценность вовсе не убывает, а только прирастает. Но существует и ряд очень серьезных проблем, которые часто не замечают.

К примеру, вышеуказанное намекающее на «коммунизм знаний» свойство «летучести» знаний служит одним из факторов недостаточных частных инвестиций в их «производство» (а косвенно – и в образование). Частные инвесторы осознают, что результатом профинансированных ими исследований потенциально могут воспользоваться все без исключения. Как отмечает Н. Мирвольд, «...даже в прикладных областях, таких как материаловедение и информатика, компании теперь понимают, что фундаментальные исследования – это форма благотворительности, и избегают их. Ученые Bell Labs создали транзистор, но это изобретение принесло Intel (и Microsoft) миллиарды. Инженеры Xerox PARC изобрели современный графический пользовательский интерфейс, хотя больше всего от этого выиграли Apple (и Microsoft). Исследователи IBM первыми применили гигантское магнитосопротивление для увеличения емкости жесткого диска, но вскоре уступили производство жестких дисков Seagate и Western Digital»¹.

Но главная трудность заключается в самой сути творческой деятельности, которую сложно описывать с помощью «трудовой» терминологии («предельная производительность», «человеко-часы» и т.п.). При этом, занимаясь творчеством, человек, условно говоря, утрачивает контроль над своими производительными силами. Повторим то, что уже было проговорено: прогрессивное «исключение из правил» было обусловлено тем, что под непосредственным контролем работников оказались важные козыри, увеличивающие их переговорную силу (физический труд, легко встраивавшийся в совершенствующееся машинное производство, а также интеллект, необходимый для зачастую сложных, но все же рутинных операций). Человек был наделен совокупностью врожденных («предустановленных») качеств, которые можно было легко продавать в силу их «калькулируемой», *наглядной* полезности для экономики. Но в ситуации с творчеством это уже не так (или в гораздо меньшей мере так). Творчество – процесс непредсказуемый. *Отдельный человек не в силах предвидеть, сможет ли он изобрести,*

¹ URL: <https://www.scientificamerican.com/article/basic-science-can-t-survive-without-government-funding/>

сочинить или изваять что-то реально полезное, а тем более – сделать это в четко запланированные сроки. История знает тысячи примеров так и не нашедших применения изобретений (или инноваций), в которые вкладывались деньги, и тысячи примеров инноваций, появившихся спонтанно, но при этом менявших мир к лучшему.

В сущности, сегодня *природа* вновь стала важнее труда, правда, теперь не как земля или залегающие в ней ресурсы, а как *природные дарования и таланты*. Из них вполне можно извлекать ренту, чем «сеньоры» не преминут воспользоваться.

NB! Разумеется, и способность человека к труду – это «дар природы». Различение «труда» и «природы» как источников благ здесь необходимо, чтобы подчеркнуть значение и роль конкретных производителей в тех или иных исторических условиях. Труд – это не просто применение природных способностей к преобразованию природного же мира. Это *сознательная целенаправленная деятельность*. И творчество невозможно без сознательной целенаправленной деятельности (любой ученый, например, весьма «рутинно» читает книги и статьи или пишет отчеты начальству). По всей видимости, это одна из причин, почему все еще существуют академии наук, где ученым платят заработную плату за *труд*. Однако подлинно *творческий компонент в творчестве* – это всегда некоторое ускользание из-под непосредственного субъективного контроля в область, находящуюся за гранью сознательного (*инсайт*). Именно отсюда соблазн ассоциировать гениальность или талант с *природой*, осмыслять их как нечто «рожденное» или «врожденное», стихийное, не до конца понятное, таинственное, в некотором смысле неподконтрольное.

Так как наиболее плодородные участки «человеческой природы» теперь сокрыты, неочевидны, то представители «аристократии» природные богатства извлекают путем их разведки (поиска талантов) и «огораживания» – установления прав собственности на информацию или технологии (Vercellone 2013). При этом глобальным корпорациям, как правило, невыгодно в массовом порядке инвестировать в «человеческий капитал» в надежде на новые идеи или знания, поскольку отдача в таком случае непредсказуема, а спонтанно возникающие плоды творческой деятельности и можно точно присваивать или импортировать. Более того, нередко и государства перестают видеть в «человеческом капитале» реальный драйвер развития, так как вложения в образование или науку обходятся все дороже и дороже (и где брать деньги, если «неофеодалы» уходят от налогов?).

Рассмотрим подробнее некоторые аспекты происходящих процессов.

1. *Разведка и оценка ментальных ресурсов*. Если отдача от инвестиций в человеческий капитал отдельных индивидов становится все менее явной, то резонно вообще перестать в него вкладываться в общенациональных масштабах. Дети богатых и так получают хорошее образование, а таланты можно искать где угодно посредством своеобразной *разведки и оценки ментальных ресурсов*. Это хорошо заметно по Кремниевой долине, которая притягивает к себе таланты со всего мира. В Калифорнии 27% населения – это лица без американского гражданства или граждане, рожденные за рубежом, в то

время как для США в целом этот показатель составляет 13,4%¹. Согласно отчету, основанному на данных переписи населения 2016 г., около 71% технических работников в Долине являются выходцами из других стран, в регионе Сан-Франциско – Окленд – Хейворд – примерно 50%². С 1995 по 2005 г. иммигранты основали 52% всех новых компаний Кремниевой долины. Они также учредили более 40% компаний, вошедших в 2017 г. в список Fortune 500 (Стиглиц 2020: 44). Кризис среднего образования (в результате серьезного недофинансирования) вынуждает все чаще «импортировать» студентов. Общее количество иностранных студентов, обучающихся в колледжах и университетах США, возросло с 26 тыс. в 1949/50 учебном году до около 1,1 млн в 2019/20 учебном году. Увеличилась также и доля иностранных студентов среди всех студентов, обучающихся в высших учебных заведениях США: с 1% в 1949/50 учебном году почти до 6% в 2019/20 учебном году³. В университетах Лиги плюща доля иностранных студентов доходит до 15–16%⁴.

2. *Борьба за патентование.* Ключевые бизнес-стратегии сильно меняются. Уходит в прошлое представление о том, что богатство достигается путем прямых инвестиций, эксплуатации наемного труда и выжимания прибавочной стоимости. Творческий труд – дело слишком рискованное. Гораздо проще перехватывать то, что и так уже имеется в зачатке, и потом извлекать соответствующие «дары природы». Деятельность глобальных IT-корпораций часто сводится к борьбе за интеллектуальную ренту. Как только появляется какой-либо перспективный стартап, его тут же приобретают (словно право на разработку месторождения), чтобы извлечь из перспективной идеи сверхвыгоду. Это также выражается в повсеместных практиках «упреждающих слияний» (Стиглиц 2020: 94–95).

3. *«Безмерная» эксплуатация.* Непредсказуемость творческой деятельности способствует усилению эксплуатации, которая в буквальном смысле становится безмерной. Так как рабочее время вряд ли может быть мерилем творческого труда, основным условием вознаграждения становится решение той или иной задачи. А поскольку совсем не факт, что творческая задача может быть решена «точно в срок» каким-то конкретным коллективом, рабочий процесс выгодно превращать в конкурс, соревнование. Это один из факторов прекаризации: корпорациям часто не нужны штатные наемные работники⁵, так как творческая задача должна решаться как можно большим количеством людей. Труд всех при этом оплачивать совсем не

¹ URL: <https://www.alcorn.law/immigration/silicon-valley-home-to-one-of-largest-foreign-born-populations-in-us/>

² URL: <https://www.mercurynews.com/2018/01/17/h-1b-foreign-citizens-make-up-nearly-three-quarters-of-silicon-valley-tech-workforce-report-says/>

³ URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/international-students-united-states-2020#:~:text=International%20students%20also%20increased%20as,6%20percent%20in%202019%2D20.>

⁴ URL: <https://www.statista.com/statistics/941523/ivy-league-international-students-class/>

⁵ См., например, о ситуации с Google, где работают 121 000 «альтернативных» (контрактных и внештатных) сотрудников и только 102 000 постоянных:

обязательно: иногда «сеньорам» достаточно объявить сумму вознаграждения в случае победы и оплатить лишь долю совокупного труда. При этом и руководящих работников данная проблема тоже может затронуть. В таком случае в качестве суррогата показателя результативности творческого труда используется сверхурочная работа как *демонстрация усилий*. Как отмечает Д. Марковиц, «когда индивидуальные усилия влияют на групповое производство, но работодатели не могут напрямую измерить индивидуальную продуктивность, они используют долгие часы в качестве “заменителя”» (Markovits 2019: 190).

Таким образом, мы видим, что рост креативной экономики ведет не к коммунизму знаний, а к ослаблению переговорной силы наемных работников (если не считать исключительных, сверхценных сотрудников, коих единицы). Это не единственная, но, по всей видимости, одна из ключевых причин «архаизации» производственных отношений и социальной структуры, возвращения к ряду «надстроечных» принципов, которые были присущи докапиталистическим способам производства. Но можно ли войти в одну и ту же реку дважды?

Заключение. Популярность метафоры *неофеодализм* является признаком тревожных фундаментальных изменений в социальной структуре современного общества. Проблема очень глубока, ибо связана с тем, что «нематериальное производство», на которое возлагают большие надежды теоретики «коммунизма знаний», едва ли способствует всеобщей эмансипации и трансформации «когнитивного капитализма» в нечто *прогрессивное*. Креативная экономика действительно разрушает капитализм. Но складывающийся посткапитализм больше похож на то, что уже имело место на протяжении тысячелетий, когда ключевым источником экономических благ был не труд *per se*, а природа. Креативность не есть то, что можно легко продать капиталисту, а потом в случае чего использовать в качестве аргумента в экономическом или политическом торге. По сути, новых «сеньоров» интересует не столько *рабочая сила*, сколько *идеи* как конечные продукты того, что всегда остается вне зоны непосредственной видимости – где-то в *природной стихии*, рождающей гениев и талантливых людей. Поэтому конкурентные преимущества все реже достигаются путем широких инвестиций в «человеческий капитал» – для «сеньоров» они становятся слишком рискованными. Гораздо проще вложиться в отдельные «разведанные» идеи, «застолбить» их и извлекать интеллектуальную ренту. В свою очередь, проблему растущего сословия «лишних людей» всегда можно решить, зафиксировав их статус «подаванием» в виде безусловного дохода или чего-то подобного.

Тем не менее, в отличие от времен настоящего феодализма, альтернатива вероятна. В конце концов, теперь основной источник благ не внешняя, а «внутренняя» природа (например, врожденные таланты, свойственные

URL: <https://www.forbes.com/sites/jonyounger/2019/08/06/senators-heres-what-freelancers-at-google-and-elsewhere-really-want/?sh=3fdb804611b3>

самим людям как потенциальным субъектам творчества). К тому же нам, в отличие от далеких предков, прогресс в науке и технике позволяет раздвигать границы возможного. И здесь можно было бы вслед за Дж. Дин обратиться к идее коммунизма. Вот только *каким* должен быть этот коммунизм? Дж. Дин говорит о сильных наднациональных государственных образованиях, всеобщей эмансипации, уничтожении класса господ, упразднении частной собственности, экспроприации средств производства и коммуникации, транспорта и т.п. (Дин 2019: 111–112). Думается, для принципиальных изменений необходимо нечто большее: чтобы каждый рассматривался обществом как *потенциальный новатор, автор революционных идей* (откуда нам знать, в чьем уме может «возникнуть» новое великое научное открытие, гениальное произведение искусства и т.п.?), а также чтобы рядовые производители вновь стали главным источником экономического процветания, в том числе в силу того, что их творческая (и не только) деятельность воспроизводит комфортную для всех социальную среду. Разумеется, это не значит, что каждый в итоге *должен* будет стать новатором. Речь о том, чтобы у каждого были реальные *возможности* развивать свои природные таланты настолько, насколько их развивают самые востребованные творческие люди. Такой вариант будущего возможен только в том случае, если объединившееся человечество поставит перед собой цели, в реализации которых окажутся ценными (даже жизненно необходимыми!) *максимально реализованные таланты* (природные задатки) *всех без исключения*. В таком случае речь уже будет идти не только об эмансипации как таковой, а скорее о потребности во всеобщем и возрастающем *напряжении сил*, когда *не лишним* окажется даже самый скромный вклад каждого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бузгалин А.В. 2021. Что такое коммунизм? // Альтернативы. № 1. С. 182-188.
- Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. 2020. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 440 с.
- Горц А. 2010. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 208 с.
- Давыдов Д.А. 2020. Неоконченная дискуссия: к вопросу о принципах выделения общественных формаций // Антиномии. Т. 20, № 2. С. 75-103. DOI: 10.24411/2686-7206-2020-10203.
- Дин Дж. 2019. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. Т. 29, № 1. С. 85-116. DOI 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114.
- Катасонов В.Ю. 2020. Посткапитализм. От либеральной демократии к цифровому концлагерю. Москва : Книжный мир. 384 с.
- Кордонский С.Г. и др. 2012. Сословные компоненты в социальной структуре современной России / С.Г. Кордонский, Д.К. Дехант, О.А. Моляренко // Отечественные записки. Т. 46, № 1. С. 74-93.
- Корнилов М., Корнилов А. 2021. Новое в подходах к прекаризации умственного труда в условиях торжества неофеодального строя // Общество и экономика. № 3. С. 52-63. DOI: 10.31857/S020736760014259-3.

Лежава А. 2021. Новые крепостные. Неофеодализм и современное рабство. Москва : Рипол Классик. 384 с.

Мартьянов В.С. 2017. Доверие в современной России: между поздним модерном и новой сословностью? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 17, № 1. С. 61-82. DOI: 10.17506/ruip.2016.17.1.6182.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2016. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России // Вопросы философии. № 10. С. 58-68.

Мейсон П. 2016. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. Москва : Ад Маргинем. 416 с.

Пасквинелли М. 2012. Цифровой неофеодализм: кризис сетевой политики и новая топология ренты // Moscow Art Magazine : Художественный журнал. Вып. 85. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/12/article/161> (дата обращения: 30.09.2021).

Сасскинд Д. 2021. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться. Москва : Индивидуум. 352 с.

Срничек Н., Уильямс А. 2019. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. Москва : Strelka Press. 336 с.

Стиглиц Дж. 2020. Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. Москва : Альпина Паблишер. 430 с.

Уикхем К. 2020. Средневековая Европа. От падения Рима до Реформации. Москва : Альпина Нон-фикшн. 536 с.

Фишман Л.Г. и др. 2019. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии / Л.Г. Фишман, В.С. Мартьянов, Д.А. Давыдов. Москва : Издательство Высшей школы экономики. 416 с.

Фукуяма Ф. 2008. Великий разрыв. Москва : АСТ. 480 с.

Ahlstrom D. 2010. Innovation and Growth: How Business Contributes to Society // Academy of Management Perspectives. Vol. 24, № 3. P. 11-24. DOI 10.5465/amp.24.3.11.

Christophers B. 2020. Rentier Capitalism: Who Owns the Economy, and Who Pays for It? London ; New York : Verso. 512 p.

Crouch C. 2020. Post-Democracy After the Crises. Cambridge : Polity. 200 p.

Frank R.H. 2016. Success and Luck: Good Fortune and the Myth of Meritocracy. Princeton : Princeton Univ. Press. 200 p.

Frey C.B. 2019. The Technology Trap: Capital, Labor, and Power in the Age of Automation. Princeton : Princeton Univ. Press. 483 p.

Kotkin J. 2020. The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class. New York : Encounter Books. 288 p.

Littler J. 2017. Against Meritocracy: Culture, power and myths of mobility. London : Routledge. 236 p.

Markovits D. 2019. The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite. New York : Penguin Press. 448 p.

Mihályi P., Szelényi I. 2019. Rent-Seekers, Profits, Wages and Inequality The Top 20%. London : Palgrave Macmillan. 163 p.

Sandel M.J. 2020. The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good? New York : Farrar : Straus and Giroux. 288 p.

Vercellone C. 2013. The Becoming Rent of Profit // Knowledge Cultures. Vol. 1, № 2. P. 194-277.

Zuboff S. 2019. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. London : Profile Books. 704 p.

References

- Ahlstrom D. Innovation and Growth: How Business Contributes to Society, *Academy of Management Perspectives*, 2010, vol. 24, no. 3, pp. 11-24. DOI 10.5465/amp.24.3.11.
- Buzgalin A.V. What is Communism?, *Alternatives*, 2021, no. 1, pp. 182-188. (in Russ.).
- Christophers B. *Rentier Capitalism: Who Owns the Economy, and Who Pays for It?*, London, New York, Verso, 2020, 512 p.
- Crouch C. *Post-Democracy After the Crises*, Cambridge, Polity, 2020, 200 p.
- Davydov D.A. Unfinished Discussion: an Attempt to Reconsider Principles of Allocating Socioeconomic Formations, *Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 75-103, DOI 10.24411/2686-7206-2020-10203. (in Russ.).
- Dean J. Communism or Neo-Feudalism?, *Logos*, vol. 29, no. 1, pp. 85-116, DOI 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114. (in Russ.).
- Fishman L.G., Martyanov V.S., Davydov D.A. *Rental Society: In the Shadow of Capital, Labor and Democracy*, Moscow, Izdatel'stvo Vysshey shkoly ekonomiki, 2019, 416 p. (in Russ.).
- Frank R.H. *Success and Luck: Good Fortune and the Myth of Meritocracy*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2016, 200 p.
- Frey C.B. *The Technology Trap: Capital, Labor, and Power in the Age of Automation*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2019, 483 p.
- Fukuyama F. *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order*, Moscow, AST, 2008, 480 p. (in Russ.).
- Gorz A. *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2010, 208 p. (in Russ.).
- Katasonov V.Yu. *Postcapitalism. From Liberal Democracy to Digital Concentration Camp*, Moscow, Knizhnyy mir, 2020, 384 p.
- Kordonsky S.G., Dehant D.K., Molyarenko O.A. Estate Components in the Social Structure of Modern Russia, *Otechestvennye zapiski*, 2012, vol. 46, no. 1, pp. 74-93. (in Russ.).
- Kornilov M., Kornilov A. The New Approaches to the Precarization of Intellectual Labour in the Context of Neofeudal Social Order Triumphant, *Society and Economics*, 2021, no. 3, pp. 52-63, DOI 10.31857/S020736760014259-3. (in Russ.).
- Kotkin J. *The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class*, New York, Encounter Books, 2020, 288 p.
- Lezhava A. *New Serfs. Neo-Feudalism and Modern Slavery*, Moscow, Ripol Klassik, 2021, 384 p.
- Littler J. *Against Meritocracy: Culture, power and myths of mobility*, London, Routledge, 2017, 236 p.
- Markovits D. *The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite*, New York, Penguin Press, 2019, 448 p.
- Martyanov V.S. Trust in Contemporary Russia: Between Late Modernity and new Estate Order?, *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 61-82, DOI: 10.17506/ryipl.2016.17.1.6182. (in Russ.).
- Martyanov V.S., Fishman L.G. Ethics of Virtue for New Estates: Transformation of Political Morality in Modern Russia, *Voprosy filosofii*, 2016, no. 10, pp. 58-68.
- Mason P. *Postcapitalism: A Guide to Our Future*, Moscow, Ad Marginem, 2016, 416 p. (in Russ.).

Mihályi P., Szelényi I. *Rent-Seekers, Profits, Wages and Inequality The Top 20%*, London, Palgrave Macmillan, 2019, 163 p.

Pasquinelli M. Digital Neofeudalism. Crisis of Network Politics and the New Topology of Rent, *Moscow Art Magazine*, 2012, iss. 85, available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/12/article/161> (accessed September 30, 2021). (in Russ.).

Sandel M.J. *The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good?*, New York, Farrar, Straus and Giroux, 2020, 288 p.

Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*, Moscow, Strelka Press, 2019, 336 p. (in Russ.).

Stiglitz J. *People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent*, Moscow, Al'pina Publisher, 2020, 430 p. (in Russ.).

Susskind D. *A World Without Work: Technology, Automation, and How We Should Respond*, Moscow, Individuum, 2021, 352 p. (in Russ.).

Van Parijs P., Vanderborght Y. *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2020. 440 p. (in Russ.).

Vercellone C. The Becoming Rent of Profit, *Knowledge Cultures*, 2013, vol. 1, no. 2, pp. 194-277.

Wickham C. *Medieval Europe*, Moscow, Al'pina Non-fikshn, 2020, 536 p. (in Russ.).

Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, London, Profile Books, 2019, 704 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Давыдов Дмитрий Александрович

кандидат политических наук, научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0001-7978-9240;
ResearcherID: O-3033-2017;
SPIN-код: 1881-6989;
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Davydov

Candidate of political science, Senior researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0001-7978-9240;
ResearcherID: O-3033-2017;
SPIN-код: 1881-6989;
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com